Один день с Лениным

Автор: Угланов Н. А.

Редакция журнала «Коммунист» просила меня написать статью на тему «Что такое ленинизм». По совести говоря, эта тема мне показалась чрезвычайно ответственной. Поэтому, несмотря на то что я знаю давно партию, что мне приходилось видеть близко и творца нашей партии В. И. Ленина, я все же не решаюсь писать по столь ответственному вопросу и откладываю сейчас эту тему, а в настоящей краткой статье хочу поделиться с товарищами своими воспоминаниями об одном дне, который мне пришлось провести с Владимиром Ильичем.

Летом 1920 года собрался II конгресс Коммунистического Интернационала. Открытие конгресса должно было состояться в Ленинграде (тогда Петроград) во дворце Урицкого (бывш. Таврический). Все делегаты были в Москве, поэтому состав конгресса должен был приехать в Ленинград. Как мы знали, с конгрессом должен был приехать и Владимир Ильич. Ленинград, столица пролетарской революции, с необыкновенным подъемом готовился встретить дорогих гостей. Я тогда только что возвратился с фронта и работал секретарем Губпрофсовета.

Ленинградский комитет нашей партии, готовясь к встрече конгресса, уполномочил меня организовать дополнительную охрану конгресса из отборных партийных работников. Таких товарищей я набрал до 300 человек, которые и заняли все важнейшие места по пути следования и расположения конгресса. Особо тщательно было поручено организовать охрану Владимира Ильича. Для этого со мной было 30 товарищей. Эта отборная группа с раннего утра и дежурила на Николаевском вокзале в ожидании прибытия поезда.

Вот наконец пришли сразу два состава поезда. К нам во главе с тов. Зиновьевым пожаловал весь конгресс. Сотни людей разных национальностей! Сколько мы не искали среди них, мы не нашли Владимира Ильича. На площади перед вокзалом собрались десятки тысяч народа. Бурными криками закаленные в огне голода и борьбы пролетарии Ленинграда приветствовали передовых представителей мирового пролетариата — делегатов конгресса. Но наша пролетарская гвардия прослышала, что должен приехать Владимир Ильич, и поэтому уже после отъезда конгресса на трамваях от вокзала, видя, что Ильича нет, долго-долго не расходилась. Тов. Зиновьев сказал нам, что Владимир Ильич приедет. Прошло томительных несколько часов, наконец показался почтовый поезд из Москвы. Он подошел к платформе, и мы все бросились к вагонам искать Владимира Ильича, а он был в самом хвосте поезда, в маленьком вагоне. Выскочив на платформу, Владимир Ильич на ходу одевал пальто. Дело было в июле, а Владимир Ильич натягивал себе на плечи осеннее ватное пальто, как сейчас помню, старенькое, и воротник порван. Мы окружили его тесной кучей и бегом пустились к автомобилям. Расселись на машинах. Ильича посадили в закрытую. С ним же приехали и Мария Ильинична и еще группа товарищей. Полетели во дворец Урицкого. Дворец Урицкого был уже битком набит народом. Приехали. Заседания конгресса там еще не было. Все были в Смольном. Нас не узнали. Мы быстро повернули обратно. Владимир Ильич, выходя из подъезда на улицу к автомобилю, быстро на ходу снял с головы черную кепку, спрятал ее в карман, а оттуда вытащил белую и одел ее. Все это было в один момент, чего даже окружавшие товарищи не заметили.

Приехали в Смольный. В актовом зале был весь конгресс. При появлении Владимира Ильича раздалось громовое «ура!» на разных языках и пение Интернационала. Тут же Владимир Ильич расцеловался с некоторыми товарищами (не знаю, с кем, по-видимому со старыми революционерами из иностранцев).

Из Смольного мы двинулись со всем конгрессом пешком во дворец Урицкого (расстояние — 20 минут ходьбы). Мы окружили Владимира Ильича, он шел рядом с иностранцами. Народ буквально запрудил улицу, провожая шествие конгресса.

Пришли во дворец Урицкого. Появление Владимира Ильича вызвало там несмолкаемую бурю восторга. Тов. Зиновьев открыл II конгресс Коммунистического Интернационала. Первым выступил с докладом Владимир Ильич Ленин. Он говорил по-русски часа полтора. После этого начались переводы. Не помню, о чем говорил Владимир Ильич, как будто бы о задачах мирового пролетариата. Затем группа товарищей потащила Владимира Ильича сниматься. Набралось человек десяток, собрались в глухом уголке дворца в садике. Я постеснялся, убрался за столб, так и не вышел. А сейчас жалею, что плохо сделал. Затем Владимир Ильич обратился к товарищам и попросил показать ему вновь открытые тогда дома отдыха. Он, закусив на скорую руку, выразил желание ехать сейчас же. Мы незамеченными вышли из дворца, сели в две машины: Владимир Ильич, Мария Ильинична, тов. Лашевич, я да еще два товарища и поехали на Каменный остров осматривать дома отдыха для рабочих, которых там было на 800 человек.

Приезд Владимира Ильича туда вообще-то был никому не известен и неожидан. Мы зашли в дом № 10. Там отдыхали человек 60—70 рабочих. Владимир Ильич первый вошел, мы за ним пошли по комнатам осматривать. Ильич довольно основательно натянул кепку на лоб. Рабочие сначала не узнали Ильича, но знали меня и тов. Лашевича в особенности как первоклассного оратора, перебывавшего на всех заводах. Затем один из рабочих, подойдя ко мне, спросил: «А что, товарищ Угланов, это не товарищ Ленин?» Я ответил: «Да». Рабочий скрылся из помещения. Обойдя помещение, Владимир Ильич направился к выходу.

На дорожке уже стояла сотня рабочих, и со всех сторон бежали отдыхавшие рабочие, которые окружили Ильича, а тот старик рабочий-металлист, который спрашивал меня, обратясь к Ильичу, сказал:

«Эх, Владимир Ильич, не знали, что приедешь, никто не оповестил, знали бы, так подарочек приготовили, ну, так хоть качнем». Сколько Ильич не уговаривал их: «Что вы, что вы, не надо, товарищи». Рабочие кричали: «Нет, Владимир Ильич, качнем!» Усадили Владимира Ильича в плетеный садовый стул и с криком «ура!» давай качать! Потом всей ватагой двинулись дома осматривать. Ильич ходил больше часа, все время разговаривая с рабочими. Затем пошли на реку Неву к лодкам. Здесь Ильич на солнышке лег. Тут же на мостках около лодок расположилось несколько сот рабочих.

Одна старуха, работница с табачной фабрики, разговаривая с Владимиром Ильичем, говорит ему: «Вот, батюшка, Владимир Ильич, уж мы тебя и всех твоих большевиков что есть силы поддерживаем, да только больно все еще голодно».

Владимир Ильич ответил дословно: «Что же сделаешь, товарищи, видите, какая жарища стоит». При этом указал рукой на солнце:

— Сожжет урожай, будет голодуха.

А дальше прибавил: «Вот осенью кончим войну с Польшей, тогда полегче будет».

Другая работница, обращаясь к Ильичу, говорит: «Ведь вот, Владимир Ильич, у нас сапогов нет, ходим в тряпочных туфлях, ну, теперь-то пока хорошо, а ведь вот осень настанет, на работу не в чем ходить будет». В Ленинграде тогда была страшная нужда в обуви.

Владимир Ильич ответил: «На фронте по болотам и кустам красноармейцы ходят босиком и в лаптях, и сапог им не хватает. Потерпите, товарищи, еще немного».

Работницы отвечали: «Да мы и то терпим, не жалуемся, вот только вам и говорим».

Владимир Ильич ответил: «Вот осенью, товарищи, войну с Польшей кончим, тогда полегче будет и с сапогами справимся».

Тут я понял, что Ильич уже тогда составил мнение, что осенью войну надо кончать. Беседа длилась около полутора часов, затем все гуртом поднялись и двинулись к автомобилям. Рабочие на прощанье качнули Владимира Ильича, и мы поехали. На прощанье Ильич сказал: «Скажу в Москве, чтобы приехали посмотреть к вам, как надо дома отдыха устраивать».

По-видимому, он был доволен тем, что увидел. По дороге Владимир Ильич меня спросил: «Вы знаете, товарищ Угланов, где я раньше жил на старой квартире?» Я ответил, что знаю. Тогда он крикнул (я ехал в другой машине, рядом): «Давайте, поезжайте туда».

Мы поехали по тихой, поросшей травой Широкой улице Ленинградской стороны (тогда Петроградской стороны). На улице народа ни души.

Владимир Ильич сказал: «Как тихо... Трава поросла на улице». Видно было, как он тяжело переживал те лишения, которые нес героический пролетариат Ленинграда.

Через Тучков мост, Васильевский остров мы направились на набережную Невы, в общежитие для делегатов конгресса. Приехали, никто нас не заметил. Выпив чего-то, Владимир Ильич захотел пойти на Марсово поле, на могилы жертв революции. Доехав до Троицкого моста, мы дальше пошли пешком. Для встречи конгресса были на Марсовом поле в почетном карауле шпалерами выставлены моряки (конгресс должен был пройти мимо могил жертв революции). Идя между шпалерами моряков, мы не обратили на себя внимание. Владимир Ильич, натянув кепку на лоб, шел неузнаваем.

Но вот препятствие оказалось у входа к могилам. Там стоял часовой моряк, да еще молодой. Владимир Ильич шел впереди, часовой у него спросил пропуск. Владимир Ильич подал удостоверение с фотографической карточкой. Часовой что-то долговато рассматривал удостоверение, тов. Лашевич не вытерпел и сказал: «Ну, чего ты, брат, не узнал, что ли,

это ведь товарищ Ленин». Я не мог хорошо понять, что произошло с часовым, он подал удостоверение Владимиру Ильичу, впился в него глазами.

Не прошло двух минут, как несколько сот моряков, стоявших шпалерами в почетном карауле, сорвались с места и бежали к Владимиру Ильичу, окружили его и так ходили с ним до прихода конгресса. Конгресс сопровождала демонстрация рабочих, свыше 100 тысяч человек.

С Марсова поля Владимир Ильич и мы в голове конгресса двинулись пешком на площадь Урицкого (Зимнюю площадь). Там должен был состояться митинг, куда должны были собраться и все демонстранты. Владимир Ильич шел, согнувшись, и усиленно разговаривал с каким-то делегатом-иностранцем. И так как мне показалось, что он строго посматривал на иностранца, я тогда подумал: «Скорей всего, этот иностранец — социал-демократ, уж очень Ильич-то строго на него посматривает». Во всех смежных улицах стояла огромная масса народа, и никакая охрана не могла сдержать этого потока. Все шедшие с конгрессом искали Ильича. Вот мы на Зимней площади... Народ хлынул со всех улиц. Ничто не могло удержать его, сбился всякий порядок. Площадь залита стотысячной массой...

Тов. Зиновьев стал просить Ильича сказать речь. Владимир Ильич ответил: «Нет, батенька мой, на поезд опоздаем, некогда». Тов. Зиновьев настаивал: «Ну, полчасика, Ильич, скажите!» Владимир Ильич вновь ответил: «Вот, если хотите, три минутки могу, и так поезд задержали на 25 минут». Ильич согласился на речь в три минуты, а мне сказал: «Беги за машиной, сейчас, тов. Угланов, едем». Я полетел. За спиной у меня послышалось могучее «ура!». Это соб-

равшиеся на площади 100 тысяч пролетариев приветствовали появившегося на трибуне В. И. Ленина.

Не успел я завернуть машину от Дворцового моста, как мне навстречу бежит Яков Шаров (портной) и кричит: «Давай машину, Ильич кончил говорить!» Еду, смотрю, а Владимир Ильич стоит один на рельсах трамвая и, махая мне кепкой, кричит: «Товарищ Угланов, товарищ Угланов, давайте сюда машину». Я подъехал, уселись В. И. Ленин, Мария Ильинична, тов. Лашевич из ВЧК. Мне места не хватило, я стал на подножку машины. Владимир Ильич, поддерживая меня за руку, сказал: «Держись, не упади». Приехали на вокзал. Ильича окружили железнодорожники. Он вынул часы, посмотрел и сказал: «Извиняюсь, товарищи, на 25 минут задержал отправку поезда». Железнодорожники отвечали: «Что вы, Владимир Ильич, больно мало побыли у нас, редко бываете и уже уезжаете!» Ильич ответил: «Некогда, товарищи, дела много, в следующий раз приеду».

Мы проводили Владимира Ильича до вагона, в котором не было никакой охраны, только двое товарищей да Мария Ильинична. Мы постояли с тов. Лашевичем у окна вагона, потолковали с Владимиром Ильичем. Пожав наши руки, он сказал: «Ну, спасибо, товарищи, за все» — и замахал кепкой из окна вагона. Он уехал и больше уже не приезжал в столицу пролетарской революции.

Возвратился он для питерского пролетариата тем, что Петроград стал называться Ленинградом. Это есть высшая награда для революционных пролетариев. Все понесенные жертвы за освобождение рабочего класса для пролетариев будут говорить, что с умиранием Петрограда умирает империализм, с рождением Ленинграда побеждает коммунизм.

Вот при каких обстоятельствах мне, товарищи, пришлось провести день с Владимиром Ильичем. Владимир Ильич, по-моему, кроме богатейшего обладания наукой, гениальности предвидения, железной воли, еще необыкновенно выделялся, как гора, своей скромностью, своей гениальной простотой, уменьем со всеми разговаривать. Можно осмелиться сделать такое предположение, что если бы все коммунисты хотя только умели с рабочими и крестьянами разговаривать так, как разговаривал Владимир Ильич, то целый ряд труднейших задач можно легче бы разрешить. А если передовые отряды европейского пролетариата приобретут в ближайшее время волю к победе, какую проявлял на это Владимир Ильич, тогда коммунистический пролетариат будет достойным учеником и наследником заветов В. И. Ленина.

Теперь нет с нами Владимира Ильича, с нами осталась его воля и непримиримость к классовым врагам пролетариата. Будем учиться понимать, разговаривать, проявлять волю к победе, как это делал В. И. Ленин.

Коммунист. Нижний Новгород. 1924. № I. С. 125—129